

УДК 94/470·40/.43).4(613/614)–28:39

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: БЫТ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1920-е ГОДЫ

И.А. Гатауллина

Аннотация

На основе конкретно-исторического и проблемно-хронологического методов рассматриваются характерные черты повседневности крестьянской деревни в постреволюционный период: расстроенный быт, архаизация социальных взаимосвязей, отсутствие предметов первой необходимости. Подобная социально-экономическая ситуация не только вызывала недовольство крестьян, но и оказала деструктивное воздействие на утверждение новой экономической политики в качестве долговременного принципиального курса, способствуя возвращению советско-партийного государства к «военно-коммунистической» идеологии и основанной на насилии политике в области аграрных отношений.

Изучение повседневной жизни российского крестьянства в 1920-е годы позволяет представить проблемы и факторы социально-культурной жизни периода НЭПа, объективно явившиеся символом продолжения начатых на рубеже XIX – XX вв. модернизационных преобразований. Модернизация в деревне вызвала её заметное оживление, выразившееся в постепенном изживании старых форм трехпольного земледелия, в активном использовании травосеяния, в увеличении площадей промышленных яровых культур и замене изношенного инвентаря на более современный. Однако война, годы революционных потрясений и «военного коммунизма» приостановили эти процессы, «сдвинув» деревню в сторону архаизации и натурализации. Голод и эпидемии начала 1920-х годов стали дополнительным фактором дестабилизации средневожжской деревни.

Восстановление хозяйственного уклада происходило в виде репродуцирования его традиционных форм и соответственно этому – привычного образа жизни, в котором важное место по-прежнему принадлежало общине, общинной психологии и ментальности. Тем не менее, следуя традиции, сельское население вынуждено было приспособливаться к новой реальности и в условиях возрождения товарно-денежных отношений осваивать новые нравственно-ценностные установки.

Воссоздавая повседневность средневожжской деревни, мы обращаемся прежде всего к крестьянским письмам, которые выполняют роль структурно-хронологических опор повествования.

Давая оценку своему тяжелому положению, сельчане вели отсчет со времен первой мировой войны. Вот что написали жители дер. Ленино (бывш. Кокушкино) Татарской Республики в редакцию ТатЦИКа 6 февраля 1923 г.: «С 1914 года все

мужчины были на войне до 1918–1919 гг. Одни бабы да малые дети остались в деревне. Опустилось наше хозяйство за это время, а в 1920/21 гг. из-за неурожая мы всех овец, коров и лошадей проели. Об одежде и говорить нечего. Прочли шубы, полушубки, сарафаны, платки и прочее. Какие мы после этого можем быть крестьяне? В 1922 г. урожай был средний. Осимого посеяли по 10 сажень на душу, налог уплатили. Теперь нет ни семян, ни хлеба, ни конной силы. Помогите!»¹.

Фрагмент письма рисует картину крестьянской жизни, которая ухудшалась неуклонно в течение почти десяти лет, и её можно характеризовать как повседневность выживания. Слова о помощи – свидетельство потерянности людей и их неспособности самостоятельно разрешить сложившуюся ситуацию. Многие из них покидали обжитые места, целыми семьями отправляясь в города. Однако и в городе редко кому удавалось найти жилище, заработок и просто кусок хлеба. Ночлежный дом был их последним прибежищем. Приют для беженцев от голода на Рыбнорядской улице г. Казани в феврале 1923 г. представлял собой «большую голую комнату, где на полу кишмя кишат живые человеческие существа. Они шевелятся, разворачивают грязные лохмотья. Это скелеты большие и маленькие. Больше татары, татарки и их дети, немало русских. “Я... Гайфулли-на, – говорит одна из присутствующих. – Я и сирот двое. Дома нет, хлеба нет”. “Я из Чистополя, Адамовской волости, – говорит другая. – Вот ...восемь душ, было десять. Мужа схоронила. В деревне ни кола...”». Анонимный корреспондент заключает: «Все они дети деревни. Но и в Казани они лишние, лишние они и в деревне. Просят, чтоб не лишили их жилья и пайка – 2 фунта хлеба на три дня»².

Необходимо заметить, что крестьянство и в дореволюционной России жило под постоянным страхом лишиться имущества, близких или самой жизни. Среди факторов неблагоприятного влияния на положение крестьянства выделяются повальные болезни, падеж скота, пожары и неурожай. Все эти обстоятельства в той или иной мере проявлялись в 1920-е годы, однако последнее было едва ли не главным среди них, поскольку грозило голодом и, соответственно, расстройством хозяйственных дел. В приведенном выше письме нет никаких аналогий с тяготами прошлой жизни, нет упреков к настоящей власти. За констатацией проблем повседневности прочитывается досада на обстоятельства, буквально «раздевшие» крестьян. Желая вырваться из порочного круга житейских проблем, пытаясь понять их причины, они выстраивали логическую цепь рассуждений и предлагали властям варианты решения.

В этом отношении показательно письмо в «Крестьянскую газету», отправленное саратовским крестьянином из с. Бобылевки Романовской волости Балашихинского уезда 21 апреля 1924 г. В нем сообщалось: «Я – Михаил Степанович Щербаков. Крестьянин слабый. Имею семейство из 15 душ. Имущество: дом, надворные постройки, сарай; из скотины – 1 лошадь, 1 корова, больше ничего нет. Земельный надел на каждую душу по 1,5 дес. луговой и посевной земли. Единый сельскохозяйственный налог плачу полностью. Но одной лошадей об-

¹ Известия ТатЦИКа. – 1923. – 6 февр.

² Там же. – 11 февр.

работать землю не могу. Хлеба мне не хватает, голодаем. Нас три брата. Думали разделиться, но если так – совсем по миру пойдем. Партия зовет к артелям, общественным работам, коллективам. Я и прошу братьев не делиться, жить вместе. Но платить такой налог я не в силах. Семья большая, скотины мало. Я наблюдал, когда семьи делились – налог с них полностью скостили. Вот меня и поражает, почему в большом семействе жить нельзя. Я на 15 душ бьюсь, как рыба об лед, но ничего не могу сделать – все меня заедает нужда да забота. Я не могу больше так жить, если ВЦИК не сделает льготу большим семействам. При малом количестве скота и в большом семействе нужда, и разделиться нужда»¹.

Письмо крестьянина не только наводит на невеселые мысли о его житье-бытье, суть которого – «нужда да забота». Оно отражает социально-экономическую обстановку в деревне. Налоговые обязательства довели его до полного отчаяния. Недостаток хлеба в рационе семьи – показатель резкого снижения уровня вплоть до угрозы голодной отметки. М. Щербаков не детализирует свои проблемы, но их нетрудно представить. Вероятно, семья оправилась от голода, но продолжала сводить концы с концами. В доме давно ничего не приобреталось: ни одежды, ни хозяйственных вещей. Дети из-за отсутствия обуви не посещали школу, а по вечерам в доме редко зажигали керосин – не для того, чтобы почитать «Крестьянскую газету», а чтобы сплести пару лаптей, свалить валенки или напрясть пряжи. Но это только предположения. Ни пуха, ни шерсти в хозяйстве нет. Птица, овцы, молодняк, скорее всего, были истреблены во время голода, а отсутствие кормов в хозяйстве не позволяло развести их вновь. Лошадь и корова, судя по всему, содержались селянином из последних сил, и только наличие дома отчасти смягчало эту мрачную картину жизни саратовского бедняка. Но каким было это жильё, если в нем помещались пятнадцать человек?

По подсчетам С. Струмилина, средний размер жилого помещения в деревне не превышал 5 кв. саженей при 1.7 сажени высоты от потолка до пола и общей кубатуре воздуха в 5.5 куб. саженей. В среднем в таком помещении жили по 4.5 души, на каждую из которых приходилось не более 1.2 кубов воздуха, вместо требующихся по гигиенической норме в 3 куба². В 1924 г. площадь крестьянского дома возросла до 8.8 кв. саженей вместе с сенями и чуланами, с земляными полами и аршинными окошечками. Даже если предположить, что М. Щербаков жил в таком доме (что маловероятно из-за его финансовой несостоятельности), то на каждого члена его семьи приходилось чуть больше двух метров. А с учетом того, что в зимнее время крестьянская изба, как правило, населялась не только людьми, но и телятами, поросятами, курами и прочей мелкой живностью, доходившей в некоторых случаях до 43%, и этот предполагаемый метраж сокращался. Жилище, скорее всего, напоминало временное убежище, в котором хаотичное смешение людей и скота произошло из-за какого-то невероятного стечения обстоятельств. Однако такая обстановка была бытовой нормой в деревне, более того, показателем её обеспеченности. Пример с саратовским крестьянином – исключение из правила. Дом, на самом деле, был заполнен людь-

¹ Цит. по: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М., 1998. – С. 117.

² См.: Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг. – М.; Л., 1924. – С. 117.

ми, а не скотом, и, наверное, отсутствие всякой живности не создавало санитарно-гигиенических проблем, но, увы, не позволяло решить даже потребительских задач данного хозяйства.

В малочисленных бедняцких семьях, которые не уплачивали налог, материальное положение действительно было иным. Обследование одной из таких семей в с. Ундоры Ульяновской губернии, проведенное студентами Ленинградского пединститута в 1925–1926 гг., это подтверждает. Глава семейства умер в 1923 г. от воспаления легких, и хозяйство содержали мать и жена умершего, спустя год затеявшие строительство нового дома. Для этого им пришлось продать сельхозинвентарь, одежду, скот, а землю отдать внаем¹. К 1926 году вдова и её свекровь сумели поставить новую избу с сениями, возвести двор с конюшней, амбаром, хлевом и сараем. В хозяйстве появились корова, телка, овцы, куры. Одежда и обувь приобретались на средства, вырученные от продажи молочных продуктов, огородных культур. «Женщины беспрестанно трудятся, – говорится в обследовании, – в поле, в огороде, на поденной работе; прядут, вяжут, ткут»². Конечно, данное описание «страдает» отсутствием цифровых показателей: не указывается ни площадь нового дома, ни доход хозяйства. Но факт очевиден: семья не бедствовала и, несмотря на статус бедняцкой, благодаря льготному налогообложению и в результате настойчивого труда обнаружила тенденцию к переходу в середняки. Двое детей сыты и одеты, а бабушка Дарья как главная в семье тверда в намерении отдать их в школу.

Так, неравное положение крестьянских хозяйств в налоговом обложении создавало совершенно разную материальную обстановку в них. Однако как в саратовской, так и в ульяновской семьях обнаруживается хозяйственное свойство, их объединяющее: это непрерывный физический труд, который, по сути, являлся главным содержанием сельской повседневности. Наверное, поэтому средневоложское крестьянство не отличалось большой словоохотливостью: «...у мужчин – отпечаток сосредоточенности и серьезности, женщины по большей части тоже озабочены и молчаливы». Работы в деревне было столько, что к труду взрослых приобщались и дети. С 5–7 лет они помогали присматривать за младшими братьями и сестрами, убирать дом и двор, потом – пасти скот, а с 10–11 лет ходили на полевые работы. Мария Александровна Урмацкая, 1911 г. р., из деревни Тюбяк-Чекурча Арского района Республики Татарстан, вспоминает: «Мы с малых лет, как взрослые: с 12 лет жали хлеб в своем хозяйстве, а с 14 лет – ходили на поденную работу. Тяжело было: за день так наломаешься, руки-ноги гудят, будто не твои они. А на заработанные деньги всегда хотелось купить ткани новой, фабричной. Ведь вещи носили домотканые, грубые. Помню, как в 1925 году мы с сестрой купили в арской торговой лавке по два метра сатина. Когда отдали материал портнихе, выяснилось, что сестре ткани не хватило (она была повыше и покрупнее меня). Тогда решили от моего куска чуть-чуть отрезать, а у меня, как «нож в сердце», все внутри заныло. Так жалко было отдавать: не от жадности, а от того, что мое, заработанное отбирают. Не должны дети на поденную работу ходить, озлобляет она, ведь работали с утра и до вечера, не

¹ См.: Крестьянский ребенок: Сб. ст. – М.: Госиздат, 1928. – С. 14.

² Там же.

разгибаясь. Так что цену хлебу знаю. Рубашку скроили и сшили мне, но не ту, что я хотела. Теперешнего наряда мне не надо, а ту блузку до сих пор жалко»¹.

Интенсивная трудовая деятельность весной и летом сменялась размеренным неспешным ритмом жизни в осенне-зимний период. Дни становились короче, всё по хозяйству надо было выполнить засветло. Ведь как стемнеет, надо зажечь керосин, а это уже серьезная статья расхода в крестьянском бюджете. В 1925 г. керосин в средневолжском регионе продавался по 5 коп. за фунт. Деньги небольшие, но ежевечернее его использование было накладно для крестьянского кошелька. Вот и приходилось семье, поужинав засветло (а кто и без ужина вовсе), ложиться спать, «А пока заснешь – все бока отлежишь»², – с досадой говорили крестьяне с. Виловатово Самарской губернии. Спали вповалку, чаще на полу, реже на полатах, не раздеваясь, в лаптях или без них, заснуть мешало обилие мелких паразитов: клопов, вшей, блох, тараканов и мышей.

Кубатура воздуха и света была недостаточной и, как уже отмечалось, содержание молодого скота в доме создавало едва переносимые условия нахождения в нем. Из-за экономии тепла жилище не проветривалось, воздух был спертый. Не имея возможности гулять на улице из-за отсутствия обуви, дети из бедных крестьянских семей находились в таких условиях всю зиму. Единственным спасением от этой весьма проблемной бытовой обстановки была баня, которая располагалась в овраге, топилась по-черному на 5–6 семей один раз в две недели³. Но стирали редко, да и стирать-то было нечем и нечего. Не было ни сменного, ни постельного белья, а нательное после помывки замачивали с золой (щёлоком), полоскали, его же и надевали.

Неотложной заботой, главной темой повседневной жизни стал налог. Более того. Он превратился в один из основных источников страха, реально угрожавший благополучию сельского жителя. «Ведь обещали, что единый облегчит положение, а всё равно, черт, еще хуже стало», – с досадой говорили крестьяне. Чтобы вырастить эти пуды для сдачи и для посева, чего им только не приходилось натерпеться! Но, как и прежде, главным врагом была непогода. Р. Акульшин без прикрас описал хозяйственную обстановку в Поволжье, буквально захлебнувшись дождями летом 1926 г., когда хлеб гнил необмолоченный, собранный урожай лежал нереализованный, а налоговыми комиссиям до этого дела не было. «Плати, чем хочешь, хоть собственной шкурой за задолженность по семсуде, по голодному году и прочие недоимки. Срок наступает. Дожди льют. Закрома пусты. Платить нечем. Налоговые комиссии ждать не разрешают, начинают описывать имущество. Отбирают весь скот, сгоняют его в советское концентрационное стадо под наблюдение милиционера, который не мог его ни накормить, ни напоить»⁴.

«Лучше б волки съели, – раздражались крестьяне, желая от такой жизни и от своей крестьянской «должности» убежать в город, надеясь там найти «покой». В очередной поездке по Поволжью публицист познакомился с рабочим ульяновской суконной ткацкой фабрики – партийным, с месячным заработком в

¹ Интервью с М.А. Урмацкой 14 июня 2005 г. (архив автора).

² Акульшин Р. О чём шепчет деревня // Красная новь. – 1925. – № 2. – С. 238.

³ См.: Интервью с М.А. Урмацкой.

⁴ Акульшин Р. О кнуте, дубинке и прочем // Крестьянская новь. – 1926. – № 2. – С. 195.

100 с лишним рублей, приехавшим в деревню к родственникам. Выпив, тот разоткровенничался и сказал, что он из бывших крепких крестьян, кого в 1926 г. называли кулаками. До революции 1917 г. имел 70000 рублей накоплений, «прожитые до копейки» в 1921 г. Больше свою судьбу испытывать не стал, подался в город. «Коммунист я липовый, – не смущаясь, добавил суконщик, – в партию для спокойствия вступил. Сейчас всем доволен»¹.

Отношение крестьян к тому или иному событию деревенской жизни выполняло роль высшей нравственной инстанции, было результатом коллективного рассуждения, формировавшего некую общность деревни, нередко носившую агрессивный характер в виде самочинных расправ, уходящих корнями в дореволюционную практику самосуда. «Помню, как в революцию 1917 г. в деревне убили торговку Таисию за обман, – продолжает свой рассказ М.А. Урмацкая. – Ещё пять человек воров забили насмерть. Сход собрался и порешил «бить до смерти». Реки крови текли, зато для всех остальных – поученье. Воров презирали, о них шла недобрая молва»².

Всплеском коллективной ненависти были самовольные суды в средневолжских деревнях накануне и в первые месяцы НЭПа, когда крестьяне, доведенные до полного отчаяния реквизициями и конфискациями за невыполнение заданий разверстки, чинили расправу над советскими работниками. Несмотря на то, что протестные настроения крестьян после мощного взрыва негодования в начале 1921 г. в такой агрессивной форме более не повторялись в средневолжском регионе, традиция самоуправства устойчиво сохранялась в отношении воров, конокрадов, поджигателей в течение всего периода НЭПа. Существовал семейный самосуд, которому подвергали неверных жен, распутных девок³.

Тяжесть обязательных платежей во второй половине 1920-х годов была таковой, что, как говорили крестьяне, «не хватало только налога на окошки».

Отсутствие заметного улучшения жизни вынуждало крестьян анализировать хозяйственную ситуацию, искать и находить причину, называть виновников их незавидного положения.

Крестьянин А.Ф. Шклинов из с. Богуславское Бугульминского уезда Самарской губернии в письме «во власть» от 4 января 1928 г. оценил создавшееся положение так: «Крестьянский труд эксплуатируют рабочие. За каждый метр сатина крестьянину приходится платить пуд хлеба, а за фунт сахара – 20 фунтов хлеба. В довоенное время можно было купить на 20 коп. аршин чистого стинету, и пуд хлеба стоил 1 руб. 90 коп. Ничего крестьянам не попало, вышел кругом один обман. Мужика опять заставляют в ярмо, в совхоз, чтоб мужик работал, как на барщине. Просьба крестьян к высшей власти: понизить товар согласно хлеба довоенного времени, и чтобы государство уделило земли крестьянам не по 2 дес. на душу, а больше, чтоб отобрала землю у совхоза»⁴.

Действительно, дороговизна промышленных товаров и обесценение крестьянской продукции были узловой проблемой НЭПа. Сравнивая своё положе-

¹ Акульшин Р. О кнуте, дубинке и прочем // Крестьянская новь. – 1926. – № 2. – С. 195.

² Интервью с М.А. Урмацкой.

³ См.: Безгин В.Б. Указ. соч.

⁴ Цит. по: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1933 гг. – С. 135.

ние с довоенным периодом, крестьянин убеждался в том, что настоящая его жизнь – «сплошной обман». Деревенские ярмарки отражали напряженное состояние экономики в конце 1920-х годов. Так, осенью 1929 г. в с. Павловка Самарской губернии «в драку» раскупались промышленные товары: сукно, обувь, лампы, керосин, чашки, тарелки. Рынок был заполнен скотом, содержать который крестьянину из-за недостатка кормов зимой и весной не представлялось возможным. Но коровы были неважного качества и продавались за бесценок.

М.А. Урмацкая вспоминает: «Да, в годы НЭПа частенько дореволюционную жизнь вспоминали: и барин вроде добрый, справедливый был, и товары дороже хлеба не стоили. Когда же в 1930-е годы все пропало в магазинах, а крестьян погнали в колхозы, вот тогда про царя забыли – НЭП вспомнили. Ведь в НЭП-то ожили мы. Тяжело было, безработица страшная была, особенно в 1926–1927 гг. Но ведь все было: и ткани, и обувь, и продукты какие хочешь. Кому трудно было – на заработки ходили в Казань: кто пешком, кто на лошадях, кто на товарном поезде. Вспомнили, что могли заработать «живые» деньги и с умом их потратить. К тому же в 1928 г. любовь свою встретила, шесть лет ходили, а в 1934 г. поженились, по любви. Богато не жила, но всем довольна»¹.

Представляется, что в обрывочных рассуждениях почтенной жительницы Арского района отражены контуры социально-экономических противоречий, затянувшие деревню в узел трудноустраняемых проблем. В самом деле, общинная революция разрешила острый вопрос землеобеспечения крестьян, предоставив им право владения землей – основным источником их благосостояния. Однако отсутствие права эксплуатации земли в свою пользу делало результаты аграрной революции фиктивными и даже проигрышными в сравнении с их положением в дореволюционный период, в котором и хозяйственная свобода была, и отсутствовали «поборы в пользу разного начальства, сильно расплодившегося при большевиках, и гнет»².

Именно быт позволяет увидеть сложности социально-экономических процессов, отражающие, как в зеркале, тяготы повседневного существования, когда крестьянин, работая с утра до ночи, еле сводит концы с концами: голодает, экономит на керосине, живет вместе со скотом, не имея возможности вырваться из потребительских тисков своего хозяйства. Керосин и глиняные чашки «на-расхват» в кооперативной лавке по случаю ярмарки – реальный результат десятилетнего строительства социализма в средневожской деревне, которая есть «бедность изо всех щелей».

Сегодня очевидно, что результаты социалистического строительства не могли быть иными. Движение традиционного общества по пути модернизации неизбежно сопряжено с трудностями, провалами и даже откатами назад, в цивилизационном направлении. Важно другое. Население новой России, входя в мир индустриальной современности, ожидало от государства чудес, которые в его сознании ассоциировались не столько с преодолением архаики и технической отсталости, сколько с безусловным принятием и утверждением идеалов равенства, братства, солидарности.

¹ Интервью с М.А. Урмацкой.

² См.: *Окинский А.Л.* Два года среди крестьян. – М., 1998. – С. 229.

К этой системе виртуальных ценностей апеллировала социалистическая идеология, сумевшая подчинить экономические интересы иллюзорным символам грядущей прекрасной жизни. Но именно через бытовую неустроенность и повседневные коллизии к людям приходило прозрение, иллюзии вытеснялись жесткой реальностью выживания. Но на рефлексию история им не отпустила времени – страна входила в тоталитаризм.

Summary

I.A. Gataullina. Daily Life of Peasants in the Middle Volga Villages in 1920s.

The article regards typical features of village daily life in post-revolutionary period basing on concrete-historical and problem-chronological methods. Such features as disarranged households, social relations deterioration, absence of basic needs satisfaction are described. This situation aroused discontent of peasants and was destructive for the long-run stability of the new economic policy. This led to the return to “military communism” ideology and violence-based agrarian policy.

Поступила в редакцию
10.09.07

Гатауллина Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета.